

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-132-138

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНТАГОНИЗМ И ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. С. СОЛОВЬЕВА «ЖЕНИХ ЦАРЕВНЫ»

© Евгений Никольский, Елена Папилова

CONFESSIONAL CONFRONTATION AND ETHNOSTEREOTYPES IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S HISTORICAL NOVEL "THE PRINCESS'S GROOM"

Evgeny Nikolsky, Elena Papilova

This article analyzes the religious confrontation and mutual ethnostereotypes of the Russians and the Danes in Vsevolod Solovyov's historical novel "The Princess's Groom" (1893). The novel is based on real events of the 17th-century Russian history – the matchmaking of Prince Valdemar of Denmark to the Tsar Mikhail Fyodorovich Romanov's daughter Irina. The marriage failed to take place because Valdemar refused to accept the Orthodox faith. The confessional debates were intensive and uncompromising and ended up with Valdemar's eighteen month's confinement in Moscow. The article investigates the mutual perception of the Danes and the Russians, which was influenced by ethnostereotypes and confessional contradictions. We analyze the process of negotiations of the parties and their minor concessions to each other, based on historical research which sheds light on the events of that distant epoch. We have found that Vsevolod Solovyov added some fictional elements to the factual historical basis – the episode of Valdemar and Irina's secret date, which was organized by her maid Masha (who, according to the author's idea, was to become Valdemar's beloved one and leave for Denmark with him). Vsevolod Solovyov was very well acquainted with the circumstances of the events depicted (first of all owing to his father – the famous historian Sergey Solovyov), however, he introduced psychological motivation of the characters' behavior and described their inner feelings. The article concludes that in the 17th century, religion played a major role in the conscience of a person (both Russian and West European) since the inter-confessional faith collision could not be solved by the parties. By depicting the religious conflict, the author, at the same time, shows the stereotypes of mutual perception of the Russians and the Danes.

Keywords: Vsevolod Solovyov, historical prose, "The Princess's Groom", history of Russia in the 17th century, imagology, ethnostereotypes, Orthodoxy, religious debates

В статье анализируется религиозное противостояние и взаимные этностереотипы русских и датчан в историческом романе Всеволода Сергеевича Соловьева «Жених царевны» (1893). Этот роман имеет своей основой реальные события русской истории XVII века – сватовство датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Романова Ирине. Брак не состоялся по причине отказа Вальдемара принять православную веру. Религиозные прения сторон отличались интенсивностью и бескомпромиссностью и привели к полуторагодовому заточению королевича в Москве. Автор статьи исследует взаимовосприятие датчан и русских, преисполненное этностереотипами и осложненное религиозными противоречиями. Проанализирован процесс переговоров сторон и их мелкие уступки друг другу, привлечены исторические исследования, проливающие свет на события той далекой эпохи. Выясняется, что к фактологической исторической основе Соловьев добавил вымышленные элементы – эпизод тайного свидания королевича с Ириной, организованного ее служанкой Машей, которой, по замыслу автора, суждено было стать избранницей датчанина и уехать с ним на его родину. Хорошо знакомый с обстоятельствами описываемых событий (прежде всего благодаря отцу – известному историку С. М. Соловьеву), автор романа привнес в него психологическое обоснование и мотивацию поведения героев, описал их внутренние переживания. В статье делается вывод о главенствующей роли религии в сознании человека (как русского, так и европейца) XVII века: межконфессиональная коллизия так и не смогла быть преодолена сторонами. Воспроизводя религиозный конфликт, автор параллельно изображает стереотипы восприятия русскими датчан и датчан – русскими.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, историческая проза, «Жених царевны», история России XVII века, имагология, этностереотипы, православие, религиозные прения

Для цитирования: Никольский Е., Папилова Е. Конфессиональный антагонизм и этностереотипы в историческом романе В.С. Соловьева «Жених царевны» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 132–138. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-132-138

Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) принадлежит к так называемому «второму ряду» русских писателей конца XIX в., хотя на рубеже XIX–XX вв. его популярность была велика: по подсчетам исследователей, он стабильно входил в десятку наиболее читаемых авторов петербургских публичных библиотек, занимая часто и пятое, и третье места [1, с. 116–117]. Сын известного историка С. М. Соловьева, в историю русской литературы он вошел прежде всего как автор исторических романов. К их числу принадлежит и анализируемый в данной статье роман «Жених царевны», написанный в 1893 г.

В основе романа – реальные исторические события, но автор, хотя и опирался (имея доступ в архивы и материалы отца-историка) на исторические документы, художественно претворил их, домыслил детали, диалоги, добавил объективацию поведения героев и даже, как будет показано далее, ввел в систему персонажей вымышленных героев. В данной статье все цитаты взяты из текста романа и принадлежат Вс. Соловьеву. Интерес автора к этому эпизоду русской истории обусловлен, по-видимому, его оригинальной самобытностью, а также важностью в глазах автора религиозного самосознания русского человека, особенно в XVII в.

Сюжет романа составляет неудавшееся сватовство к дочери царя Михаила Федоровича от его второго брака с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, царевне Ирине, датского принца Вальдемара, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV. Вальдемар был третьим сыном короля от его второго брака и потому не имел права на престол. Это было одной из причин, почему Христиан IV хотел отдалить сына, выгодно женив его на русской царевне, тем самым уберечь его от межусобной розни, и упорчив отношения с Московским царством. Вместе с тем отец не настаивал на своем решении и предоставил сыну право самостоятельно принять решение.

Гораздо более в этом браке был заинтересован сам Михаил Федорович. Когда царевне было еще только 13 лет, в Данию был отправлен русский посол с поручением узнать о Вальдемаре больше информации. В 1641 г. граф впервые прибыл в Москву по торговым делам, но никаких договоренностей о браке достигнуто не было. Позже другой царский посланник, Петр Марселис (датчанин, осевший в России), едет в Данию

и с большим успехом проводит переговоры, фактически уговаривая Вальдемара еще раз приехать в Россию. В 1644 г. тот повторно прибывает в Москву – и начинается длительный процесс переговоров.

Все попытки устроить брак между русской царевной и датским принцем разбились о межконфессиональное противостояние. Обязательным условием вступления Вальдемара в брак с царевной Ириной, выдвинутым русскими, было принятие им православия. Но королевич категорически отказался сделать это, чем спровоцировал немилость русских: оказался под домашним арестом без права и какой-либо возможности покинуть Московию.

Рассмотрим проявление исторической реконструкции в тексте романа. Так, Соловьев описывает, что переговоры сторон то достигали кажущегося прогресса, то упирались в неразрешимые противоречия, и вслед за этим сюжет романа также претерпевает «раскачивание» из стороны в сторону. «*Всякие недоразумения и неприятности*» [2, с. 245] начались с первого дня появления Вальдемара в Москве. Явившегося на прием к царю, его попросили снять шпагу, с чем он поначалу не согласился: снять шпагу для рыцаря было бы позором. Однако русские не придают его словам значения и настаивают на своем. Поняв, что положение безвыходное и возвратиться в Данию, не представившись даже царю, – не выход, он подчинился: «*пришлось покориться иноземному обычаю и снять шпагу*» [Там же].

Вместе с тем русский царь, согласно сохранившимся документам, также делал милости почетному гостю: был преисполнен лаской, сажал его справа от себя (тогда как наследник Алексей Михайлович занимал место слева), не позволял Вальдемару целовать себе руку (вместо этого вставал и обнимал его) [3, с. 85].

В романе во время аудиенции и царь и его приближенные разглядывали графа «*уж слишком бесцеремонно*» [2, с. 245], это покорило юношу, однако он преодолел и это, объясняя происходящее «*полуварварской*» сущностью Московии. Из донесения царского посланника известно, что королевич Вальдемар «*лет двадцати, волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош лицом, здоров и разумен, знает по-латыни, французски, итальянски, верхне-немецки, знаком с воинским делом*» [4, с. 69]. Жених понравился царю и придворным.

Направляя Марселиса в Данию на переговоры, царь наставлял его говорить, что прежние послы неверно истолковали его волю, что на самом деле в Московии Вальдемара ожидают «*большая честь*», «*денежная казна*», Суздаль и Ярославль с уездами, и при этом «*в вере неволи не будет королевичу*» [2, с. 258]. В итоге подписанное между сторонами соглашение в своем первом пункте гласило: «*В вере королевичу неволи не будет, и церковь ему будет поставлена по его вероисповеданию*» [Там же, с. 263]. Вальдемар, еще будучи дома, сомневается в правильности своего решения («*Боюсь, что вы меня обманете и что мне в Москве худо будет. Можешь ли ты мне поручиться, Марселис, что все будет исполнено по договору, что все будет честно сделано?*») [Там же, с. 264]], и все же отправляется навстречу судьбе.

Кажется, что и русская сторона начала делать уступки – как в главном вопросе о вере, так и в других, более мелких. Так, в вопросе о том, имя кого – датского короля Христиана или русского царя Михаила Федоровича – писать первым в королевских грамотах, оказывается, к радости датчан, решен в пользу первого [Там же, с. 269]. Некоторая уверенность Вальдемара, подкрепленная письменными договоренностями, пошатнулась с приходом к нему доверенного от патриарха Иосифа. Тот уговаривает королевича «*соединиться верою*» с царской семьей [Там же, с. 270], предлагает поговорить о вере с «*учеными духовными людьми московскими*» [Там же, с. 271], вызывая гнев Вальдемара: «*Я сам учен не меньше московских попов! Библию я прочел пять раз и всю ее помню, учить меня нечего!*» [Там же]. В романе королевич винит Марселиса, подозревая его в искажении воли царя и обмане. Но Марселис уговаривает королевича не придавать словам патриарха значения: тот должен был предложить сменить веру по своему положению патриарха, но его просьба не обязана быть исполнена, поскольку договоренность с царем совсем иная.

Соловьев описывает, как, надеясь на благоразумие Михаила Федоровича, Вальдемар направляется к нему на прием и, к своему изумлению, слышит из его уст ту же просьбу – принять православие. «*У нас муж с женою в разной вере быть не может*», – уговаривает царь [Там же, с. 273]. Вальдемар сопротивляется: «*У нас, в Дании, и в других государствах европейских ведется, что муж исповедует веру свою, а жена другую*» [Там же]. Ни одна из сторон не готова идти на уступки. Просьба королевича отпустить его домой, даже при риске навлечь на Московию гнев датского короля Христиана, не была удовлетворена. Предчувствуя желание принца совершить побег, царь усиливает охрану всей его свиты.

Возмущение королевича выливается в письмо протеста Михаилу Федоровичу, в котором он ссылается на им же утвержденное соглашение о «*вольности в вере*», но получает ответ, что в том соглашении нет пункта, запрещающего призывать Вальдемара к «*соединению в вере*» [Там же, с. 275], о чем его вновь «*молят с прошением*».

В итоге датчанин оказывается вместе со всей своей свитой под усиленной стражей, и даже предпринятая ими попытка побега была пресечена царскими стрельцами у Тверских ворот, с убитыми и ранеными с обеих сторон.

Следуя материалам отца, Вс. Соловьев отмечает, что в вынужденной неволе чужестранцы провели почти полтора года – с 21 января 1644 по 17 августа 1645 г. За это время порывы бешенства и отчаяния Вальдемара сменялись мыслями о мнимом (внешнем) принятии православия (что помогло бы спасти себя и своих людей) и – при первой же возможности – возвращении к лютеранству [Там же, с. 345–346].

Конфессиональное противостояние заканчивается смертью Михаила Федоровича. Она была спровоцирована затянувшимся конфликтом с неудавшимся зятем. По мнению дореволюционного критика, царь, «*сознавая, что поступает несправедливо*», страдал от этого сам, это «*в сильной степени ускорило его безвременную кончину*» [5, с. 49]. Желая добра дочери, он вместе с тем не мог переступить через традиции и обычаи, считал, что народ никогда не простит ему, если он породнится с «еретиком».

Желание Вальдемара «*отплатить своим мучителям*» [2, с. 346] у гроба царя все же сменяется прощением: «*Он не мог! <...> Пусть Бог простит ему... И я прощаю!*» – говорит себе королевич.

Ситуация противостояния главного героя религиозному напору русских составляет нерв романа. Датчан, называемых русскими «*еретиками*», «*басурманами*», «*некрещеными*» (в допетровской Руси Церковь не признавала крещение христиан других конфессий), «*нехристями*» [Там же, с. 226, 229, 259, 359], они решили «*донять*» коли «*не мытьем, так катаньем*» [Там же, с. 346], при этом мысль о правомерности такого требования не приходит никому из московитов в голову. Так, по мнению матери царевны, если бы они разрешили Ирине обвенчаться с «*нехристом*», то «*весь народ русский перестал бы почитать нас*» [Там же, с. 360]. Лишь Михаил Федорович единожды задумывается над тем, что бы сделал он, если бы его заставляли отказаться от православия. Даже помыслить об этом царю «*жутко*». Он сразу же оправдывает невозможность подобного истинностью исключительно

православной веры: *«Да, но ведь то лютерова ересь, то басурманы! А коли королевич православие ересью считает?.. Как же он может, как же смеет считать?»* [Там же, с. 357]. К этим размышлениям царь больше не возвращался: коллизия представлялась ему неразрешимой, легче было об этом не думать вовсе. «Невежество» московских русских XVII в. признавалось уже современниками Вс. Соловьева [6, с. III]. Религиозные споры, неприятие других направлений христианства были типичными для России XVII в. Автор опирается на документальные источники, чтобы передать историческую достоверность и погрузить читателя в реалии того времени.

Сущность религиозных споров сторон исследовалась дореволюционными историками [6], [4] и не составляет предмет исследования данной статьи. Отметим лишь, что после тяжелого Смутного времени в Москве, действительно, не было иноверческих церквей – таким образом власти пытались оградить православный народ от влияния чужестранцев [4, с. 76–79]. Неслучайно в романе звучит категоричное *«Киркам не быть!»* [2, с. 246]. На момент описываемых Соловьевым событий действовали положения Собора, постановившего, что лютеран, а также армян и католиков необходимо перекрещивать с тройным погружением [4, с. 89–90, 100–101].

В романе на основе исторических источников Соловьев описывает, что между русскими (в числе нескольких протопопов, архимандритов и прочего духовного руководства) и датчанами (от лица Вальдемара выступал пастор Фильгабер) разгорелась целая полемика, она сопровождалась перепиской, отдельные рукописи которой сохранились до нашего времени [7]. В этих источниках мы находим сведения о том, что и сам Вальдемар вступал в религиозные споры с патриархом: так, в одном из писем он сравнивал учения Кальвина и Михаила Сервета с учением Лютера и делал вывод об истинности последнего [4, с. 94–95]. Убежденность каждой из сторон в своей правоте была так велика, что спор был обречен.

Вскоре после описанных событий, в 1647 г., вышла в свет «Повесть о внезапной кончине Михаила Федоровича». Ее автор, ревнитель православной веры, явно причастный к событиям сватовства, ставил целью осудить всех «еретиков» с Вальдемаром во главе. Авторство злободневной публицистической работы не определено, некоторые ученые приписывают ее чернецу (монаху) Савватию [3, с. 94]. Он категоричен в своих суждениях: *«Если кто скажет: не он виноват, но мы, потому что мы сами звали его, такому наш ответ: <...> царь и царица <...> хотели сотво-*

рить сугубое добро: во-первых, неверного от тьмы привести на свет и освятить Святым Крещением, во-вторых, сочетать законным браком со своею царскою дочерью и сопричесть к своему царскому достоинству» (цит. по: [4, с. 104]), наконец он делает такой вывод: *«Нет и не должно быть общения верному с неверным»* (цит. по: [Там же, с. 105]). «Повесть» была рефлексией русского патриархального сознания на пережитое потрясение.

Нам неизвестно, что переживали главные герои драмы – сын датского короля и дочь русского царя. Эго-документов или свидетельств о том, как они воспринимали перспективу их брака, не сохранилось. И это обстоятельство привело к тому, что в романе появились сугубо вымышленные персонажи и эпизоды. Писатель создает внутренний мир этих героев через воображаемые диалоги, эмоциональные конфликты и психологические переживания. Вымышленные эпизоды помогают глубже понять, как исторические события и культурные контексты влияют на личные судьбы. Соловьев позволяет читателю заглянуть в мысли и чувства персонажей, которые могли испытывать страх, надежду или сомнение по поводу будущего. Таким образом, автор не только реконструирует историческую ситуацию, но и добавляет ей человеческое измерение, делая героев более живыми и многослойными.

Рассмотрим наиболее примечательные вымышленные эпизоды. Например, в Москве, согласно роману Соловьева (и это нетипично для неславянина), принц Вальдемар выучился также русскому языку. Чтобы не допустить суицида, о котором не раз задумывается Вальдемар, русские устраивают для него развлечения – охоту, медвежью облаву и кулачные бои [2, с. 348]. Вальдемар то впадает в категорическое несогласие (*«он умрет скорей, но этого не сделает»* [Там же, с. 313]), то соглашается на уступки: обещает разрешить крестить детей по греческому обычаю, согласен держать посты, *«сколько возможно без повреждения здоровью»*, *«сообразовываться с желанием государя в платье и во всем другом»*, но все же не уступает в главном: *«от веры святой не отрекусь, хоть он меня распни и умертви. Я лучше хочу с неоскверненной совестью честною смертью умереть, чем жить с злою совестью»* [Там же, с. 349].

В романе Соловьева негодование Вальдемара подкреплялось еще и тем, что он ни разу не видел свою невесту. *«Дочерей московских сановников нельзя видеть, царевен – тем более»* [Там же, с. 254], – поясняют ему русский уклад жизни. Даже портрет Ирины (принятый в те времена метод заочного знакомства знати) никогда не был

предъявлен жениху: суеверные русские полагали, что через портрет злые люди могли навести на изображенного порчу [Там же, с. 255]. Вместо этого Вальдемару на словах обещали, что царевна хороша собой, разумна и покладиста, не пьет вина. Однако юношу, привыкшего видеть красивых женщин при европейских дворах, такие обещания удовлетворить не могли. Смеясь над суевериями русских, он говорит, что *«и в Дании, наверно, найдется несколько старух, которые верят такому вздору»* [Там же].

Вымышленной является и вторая любовная интрига. У романиста судьба все же посылает Вальдемару русскую девушку. Ею стала служанка царевны, теремная девушка Маша. «Бесенок Машутка», бойкая, ловкая, смелая и смышленная, сначала собирает сведения о Вальдемаре для Ирины (от которой переговоры о сватовстве скрывают), позже устраивает тайную встречу царевны с королевичем, продлившуюся пару минут, а в конце, спасаясь от преследований теремной прислуги, заподозрившей ее в неладном, бежит к Вальдемару. Между ними вспыхивает чувство. Переодетая в костюм пажа королевича, она остается в его свите и, с освобождением датчан, вместе с ними навсегда уезжает в Данию. Смелая, отчаянная красавица, к тому же оказавшаяся способной к языкам и музыке, быстро покорила сердце королевича и всего его войска. Вскоре она *«по виду и манерам превратилась в датчанку»* [Там же, с. 416].

Маша – единственный русский персонаж романа, отнесшийся к чужестранцам без предубеждения: *«Вот говорили, <...> немцы – нехристи, <...> хуже всяких воров-разбойников!.. Ан нет, напраслину на них взвели... <...> душа-то у них человечья, добрая душа, ласковая»* [Там же, с. 377]. Вспоминая притеснения старших слуг в царском тереме, она невольно сравнивает их с датчанами: *«Вот ведь и Господу Богу веруют, и в церковь ходят, молятся, что ни слово, то Христа и Владычицу небесную поминают, а злобы-то, злобы сколько у них в сердце! Чем же они лучше басурман этих? Не лучше они их, а во сто крат хуже!..»* [Там же]. И в этом Маша, по видимому, права.

Поскольку мы не знаем, как прототипы героев пережили эти события, мы можем рассматривать вымышленную Соловьевым версию как один из возможных вариантов. Следуя «логике» своего вымысла, романист показывает, что для царевны Ирины Вальдемар был не только воплощением грез молодой девушки к красивому юноше, но и шансом освободиться от положения теремной затворницы. Но в итоге она повторила судьбу множества других царских затворниц,

обреченных на безбрачие и монашество. *«Пережитое ею горе не унесло ее жизни, но навсегда придавило ее своею тяжестью»* [Там же, с. 419], – пишет автор. Потерпев крушение надежд на замужество, Ирина стала увядать, казалась гораздо старше своего возраста.

Согласно интерпретации Вс. Соловьева, Ирина – одна из «порученных невест» царской династии, кто стал жертвой *«трагического конфликта между личностью, стремящейся к счастью, и социальными и религиозными предрассудками эпохи»* [8, с. 104]. Из исторических источников известно, что она нашла утешение в религии и благотворительной деятельности, заняла не последнее место при дворе брата, царя Алексея Михайловича, стала крестной матерью его сына Петра, будущего императора, в целом реализовала себя как личность [Там же].

Если внешний контур событий сватовства Вальдемара имеет под собой четкую историческую основу, подкрепленную архивными данными и исследованиями историков (прежде всего отца автора – С. М. Соловьева, тщательно изучившего все обстоятельства дела [9]), то внутренние переживания героев, так же как и введение в сюжет романа образа Маши, – лишь домыслы автора, его попытка психологической объективации героев. Логично назвать эти элементы «квазиисторическими» [10, с. 116]. Они позволяют автору создать эмоционально насыщенный текст, делают роман более художественным, а также подчеркивают, что вымысел может иногда затмевать историческую правду.

Продолжением и своего рода развитием квазиисторизма как проявления стереотипного подхода к героям можно считать и имагологические аспекты романа.

В романе взаимовосприятие датчан и русских пресыщено этностереотипами. Помимо раскрытого выше религиозного антагонизма русских к «нехристям-басурманам», в романе присутствуют указания на чуждые москвитам костюм, речь, внешний вид чужестранцев. У «немцев» (традиционное для русских людей XVI–XIX вв. именование всех европейцев) много оружия (мечи, шпаги, ножи, пищали), *«на голове перья болтаются»* [2, с. 228], немецкая одежда – *«срамная и куцая»* [Там же, с. 374], их речь – *«смешная»*, кажущаяся *«каким-то странным птичьим гоготаньем»* [Там же, с. 374], сами же немцы – *«кургузые»* [Там же, с. 228], народ *«сухой да поджарый»* [Там же, с. 232], так что русским хочется их подкормить: *«видно, не очень-то сладко едят»* [Там же, с. 232]. Вальдемар, хотя и приходится москвитам по вкусу, все же кажется им *«больно жидок, безбородый»*. По их мнению, если он от-

пустит бороду и переоденется в русское платье, «тогда ничего, вид знатный получит» [Там же, с. 229].

Видение датчанами московитов также наполнено стереотипами: Московия для них – «страна далекая и дикая» [Там же, с. 239], где «всё возможно» [Там же, с. 272], ее климат – суровый [Там же, с. 243], а люди живут «в тесных помещениях, много едят, много пьют, и совсем нет женщин» [Там же, с. 247]. Русские – «дикий варварский народ» [Там же, с. 313], «упрямые, непонятливые бородачи в высочайших шапках и парчовых кафтанах» [Там же, с. 246], они, «начиная с самого царя, никаких языков не знают» [Там же, с. 253], а за свою веру «на все готовы пойти» [Там же, с. 313]. В Европе ходят слухи об обширности Московии и богатстве царей московских [Там же, с. 239]. Женившись на Ирине, Вальдемар был намерен не «прятать» ее, а, напротив, сделать так, чтобы ее красотой любовались все [Там же, с. 268].

Имагологические аспекты подчеркивают этностереотипы и предрассудки, существующие между русскими и датчанами. В романе имагологические элементы не только обогащают его художественный мир, но и становятся инструментом для анализа предвзятости и национальной идентичности, что делает произведение актуальным для обсуждения вопросов культуры и восприятия в контексте исторических отношений.

Для дальнейшего понимания судьбы главной героини нам необходимо сделать небольшой исторический экскурс. Начиная с Петра I станет обыкновенной практикой при русском дворе переход инославных невест в православную веру перед вступлением в брак с наследником престола, в то время как супруги братьев и иных родственников монарха могли сохранить свое вероисповедание, и такие прецеденты не были единичными.

Но в середине XVII в. религиозная толерантность при дворе Романовых еще не была обычным явлением. И в этом романист солидарен с историками, эти данные строго документальны. Убежденность каждой из сторон в своей правоте, нежелание идти на уступки свидетельствуют о главенствующей роли религии в сознании человека XVII в. (недаром Вальдемар готов пролить кровь за Михаила Федоровича, но не готов сменить по его просьбе веру).

Согласно интерпретации Вс. Соловьева, этот конфликт не только спровоцировал раннюю смерть царя (а вслед за ним и царицы), не только обрек царевну Ирину на безбрачие и одиночество, но и рисковал привести к международной розни, хотя из исторических материалов извест-

но, что конфликтов между Московским царством и Датским королевством не возникло, а царь и царица умерли вследствие неизлечимых в их эпоху хронических болезней.

Углубляя свое видение тех событий, Вс. Соловьев отмечает, что, попав в плен почти на полтора года, королевич убедился, что его опасения иметь дело с московитами были оправданными: стереотип России как дикой варварской страны, населенной «упрямым, непонятливым» народом, готовым пойти на все ради своей веры, в глазах датчан подтвердился. При своих стереотипах о «еретичестве» «немцев»-датчан остались и русские. Единственным (вымышленным) персонажем романа, расставшимся с предубеждениями относительно чужестранцев, стала Маша – простая русская девушка, служанка царевны, далекая от религиозных догматов и принимающая решения сердцем.

Подчеркнем, что на Руси имагологические представления о чужестранцах носили прежде всего религиозный оттенок, религиозная (конфессиональная) принадлежность играла главенствующую роль в определении принадлежности человека к «своим» или «чужим». Соловьев, используя этностереотипы, показывает, как эти представления формируют страх и недоверие к иностранцам. Можно сделать вывод, что роман Вс. С. Соловьева «Жених царевны» не только живо воспроизводит реальные события и атмосферу России середины XVII в., но и демонстрирует сложные взаимоотношения между различными культурами и конфессиями.

Таким образом, роман «Жених царевны» становится многослойным произведением, в котором переплетаются история, психология и культура, позволяя читателю осмыслить сложные вопросы идентичности и межкультурных отношений в эпоху, когда различия порождали не только конфликты, но и возможности для диалога. Соловьев искусно использует элементы художественного вымысла, чтобы восполнить пробелы в исторических данных и сделать героев более «живыми».

Список источников

1. Васильева С. А. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева: монография. Тверь: Марина, 2007. 206 с.
2. Соловьев Вс. Касимовская невеста. Жених царевны. М.: МП «Фирма АРТ», 1992. 420 с.
3. Андреев И. Л. «Повесть о внезапной кончине царя Михаила Федоровича»: исторический контекст возникновения // Творцы науки, книжники, читатели: сборник статей в честь 50-летия доктора исторических наук А. Ю. Самарина. М.: Янус-К, 2023. С. 81–100.

4. Цветаев Дм. Из истории брачных дел в царской семье Московского периода. М.: Университетская типография, 1884. 106 с.
5. Быков П. В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество // Вс. Соловьев Полное собрание сочинений. Кн. 1. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1917. 184 с.
6. Голубцов А. П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М.: Университетская типография, 1892. 350 с.
7. Послания патриарха Иосифа к датскому королевичу Вальдемару о вере и ответное письмо Вальдемара (рукопись) // ОР РГБ. Ф. 178.1 № 10998. [Б. м.], кон. XVII – нач. XVIII в.
8. Никольский Е. В. Историческая романистика Всеволода Соловьева. Типология жанра. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 206 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10 // Он же. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1990. 718 с.
10. Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2014. 546 с.

References

1. Vasil'eva, S. A. (2007). *Redaktsionno-izdatel'skaya deyatel'nost' Vs. S. Solov'eva: monografiya* [Editorial and Publishing Activities of Vs. S. Solovyov: A Monograph]. 206 p. Tver', Marina. (In Russian)
2. Solov'ev, Vs. (1992). *Kasimovskaya nevesta. Zhenikh tsarevny* [Kasimov's Bride. The Princess's Groom]. 420 p. Moscow, MP "Firma ART". (In Russian)
3. Andreev, I. L. (2023). "Povest' o vnezapnoi konchine tsarya Mikhaila Fedorovicha": istoricheskiy kontekst vozniknoveniya ["The Tale of the Sudden Death of Tsar Mikhail Fedorovich": The Historical Context of Its

Origin]. *Tvortsy nauki, knizhniki, chitateli: sbornik statei v chest' 50-letiya doktora istoricheskikh nauk A. Yu. Samarina*. Pp. 81–100. Moscow, Yanus-K. (In Russian)

4. Tsvetaev, Dm. (1884). *Iz istorii brachnykh del v tsarskoi sem'e Moskovskogo perioda* [From the History of Marriage Affairs in the Royal Family of the Moscow Period]. 106 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)

5. Bykov, P. V. (1917). *Vs. S. Solov'ev: ego zhizn' i tvorchestvo* [Vs. S. Solovyov: His Life and Work]. Vs. Solov'ev. *Polnoe sobranie sochinenii*. Kn. 1. 184 p. Tip. P. P. Soikina. (In Russian)

6. Golubtsov, A. P. (1892). *Pamyatniki preni o vere, voznikshikh po delu korolevicha Val'demara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [Monuments of the Debates about Faith that Arose in the Case of Prince Valdemar and Princess Irina Mikhailovna]. 350 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)

7. *Poslaniya patriarkha Iosifa k datskomu korolevichu Val'demaru o vere i otvetnoe pis'mo Val'demara* [Letters of Patriarch Joseph to the Danish Prince Valdemar about Faith and Valdemar's Response Letter]. (Rukopis') OR RGB. F. 178.1 No. 10998. [B. m.], kon. XVII – nach. XVIII v. (In Russian)

8. Nikol'skii, E. V. (2010). *Istoricheskaya romanistika Vsevoloda Solov'eva* [Historical Novels by Vsevolod Solovyov. Typology of the Genre]. 206 p. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. (In Russian)

9. Solov'ev, S. M. (1990). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Kn. 5. T. 9–10. On zhe. *Sochineniya: v 18 kn*. 718 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

10. Nikol'skii, E. V. (2014). *Proza Vsevoloda Solov'eva: problemy tvorcheskoi evolyutsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Vsevolod Solovyov's Prose: Problems of Creative Evolution: Doctoral Thesis]. Tver', 546 p. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2024

Поступила в редакцию 14.11.2024

Никольский Евгений Владимирович,
доктор филологических наук,
доктор богословских наук,
профессор,
Институт современных гуманитарных
исследований,
119361, Россия, Москва,
Озёрная, 19-1/138.
eugenius-08@yandex.ru

Папилова Елена Вячеславовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский государственный университет
нефти и газа имени И. М. Губкина,
119991, Россия, Москва,
Ленинский пр., 65, к. 1.
lennenochka@mail.ru

Nikolsky Evgeny Vladimirovich,
Doctor of Philology,
Doctor of Theology,
Professor,
Institute of Modern Humanitarian Research,

19-1/138 Ozernaya Str.,
Moscow, 119361, Russian Federation.
eugenius-08@yandex.ru

Papilova Elena Vyacheslavovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,

B. 65, 1 Leninsky Prosp.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
lennenochka@mail.ru